

УДК 141.3

Идея структурной каузальности в контексте исследования эпохи дворцовых переворотов

Коломиец Артем Валентинович

artemiykolomiets@gmail.com

SPIN-код: 1719-3632

МГТУ им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия

Аннотация. Рассматривается релевантность применения идеи структурной каузальности Л. Альтюссера для понимания заговорческих аспектов политической истории России XVIII века. В таком контексте дворцовые перевороты интерпретируются не как отклонение от исторической нормы, а как системная необходимость, обеспечивающая устойчивость властной структуры — поскольку субъект власти определяется не личными качествами, а позицией в системе. Проанализирован подход современных отечественных историков Е.В. Анисимова и И.В. Курукина к пониманию природы причинности дворцовых переворотов и сделан вывод о схожести их позиций с концептом структурной каузальности, что дает возможность говорить о рациональности его применения.

Ключевые слова: структурная каузальность, заговор, система власти, дворцовый переворот, XVIII век

The Idea of Structural Causality in the Context of Studying the Mechanisms of Power in the Era of Palace Coups

Kolomiets Artem Valentinovich

artemiykolomiets@gmail.com

SPIN-code: 1719-3632

BMSTU, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the relevance of applying L. Althusser's idea of structural causality for understanding the conspiratorial aspects of Russia's 18th-century political history. In this context, palace coups are interpreted not as a deviation from the historical norm, but as a systemic necessity ensuring the stability of the power structure — since the subject of power is defined not by personal qualities, but by their position within the system. The approaches of contemporary Russian historians E.V. Anisimov and I.V. Kurukin to understanding the nature of causality in palace coups are analyzed, leading to the conclusion that their positions align with the concept of structural causality, which justifies its rational application.

Keywords: structural causality, conspiracy, power system, palace coup, 18th century

Введение. Одним из актуальных вопросов современной отечественной науки является исследование механизмов воспроизводства власти в России XVIII в. Автор публикации предлагает рассмотреть дворцовый переворот сквозь призму концепции структурной каузальности. В таком случае заговор пред-

ставляется не как исключение из политической нормы, а как структурный элемент, обеспечивающий устойчивость властных отношений. Предметом анализа, таким образом, является структуралистская концепция причинности, а целью — выявление ее рационального смысла при рассмотрении механизмов воспроизводства власти в эпоху дворцовых переворотов.

Материалы и методы. В качестве исторического материала используются события эпохи дворцовых переворотов в Российской империи XVIII в. За основу были взяты работы И. В. Курукина [1] и Е.В. Анисимова [2], акцентирующих внимание на институциональных и символических механизмах смены власти в указанный период. В развитие этого подхода предложена структурно-каузальная интерпретация механизмов воспроизводства власти, выявляющая позитивный методологический ресурс структурного анализа Л. Альтюссера [3]. Согласно этой модели, субъект власти не является автономным актором, а конституируется своим положением в идеологической и политической системе. С такой точки зрения монарх — это не уникальная личность, а фигура, сменяемая в рамках стабильной структуры. Заговор, соответственно, выполняет функцию обновления внутри системы — он позволяет заменить фигуру во главе власти без разрушения самой логики ее воспроизводства. Будучи скрытым и насильственным актом, заговор закрепляется через ритуальные формы легитимации: согласие церкви, выпуск манифеста [4]. Эти действия не создают власть, а подтверждают уже заданную структуру. Таким образом, заговор не нарушает порядок, а обеспечивает его продолжение.

Результаты. Проблема регенерации самодержавного механизма после смерти Петра I была обусловлена невозможностью реализовать указ о престолонаследии 1722 г., поскольку источник легитимности был персонализирован и исчез вместе с монархом. В этих условиях система должна была найти способ собственного воспроизводства, и эта функция была взята на себя дворянской элитой, оформившейся вскоре в Верховный тайный совет. Возникновение данного органа нельзя трактовать как проявление деструкции; напротив, это было выражением структурной необходимости — поиска новой формы, в которой система могла продолжить свое существование при отсутствии законного монарха.

В переходный период власть фактически сосредоточилась в руках А.Д. Меншикова, что отражало стремление структуры стабилизироваться вокруг наиболее сильного центра. Однако после восстановления относительно равновесия система устранила фигуру фаворита: падение Меншикова при Петре II выступило актом внутренней самокоррекции, при котором личная воля юного императора лишь выполняла функцию структурного механизма возвращения к нормальному состоянию власти.

Попытка Верховного тайного совета в 1730 году закрепить верховные полномочия в «кондициях» также закономерно завершилась неудачей. Система отвергла возможность делегирования власти, поскольку абсолютистская структура предполагала существование единого центра принятия реше-

ний. Любое ограничение верховной власти подрывало внутреннюю целостность системы, а потому она отторгла олигархическую модель, восстановив прежнюю форму самодержавия.

После смерти Анны Иоанновны кризис воспроизводства власти повторился. Несмотря на то, что императрица назначила наследником малолетнего Иоанна Антоновича, режим регентства оказался несовместимым с логикой системы. Власть, существующая без персонифицированного монарха, утратила внутреннюю устойчивость, что вызвало очередной структурный сдвиг. переворот 1741 года, приведший к власти Елизавету Петровну, не стал революцией, а представлял собой восстановление канона — возвращение к исходной петровской модели, в которой монарх вновь становится абсолютным символом власти.

Апогей структурной устойчивости монархии приходится на царствование Екатерины II. Ее приход к власти в результате переворота 1762 г. не подорвал систему, а, напротив, укрепил ее легитимность. В этот период окончательно оформился механизм самовоспроизводства власти, включавший устойчивую последовательность действий: заговор — поддержка гвардии — принесение присяги — издание манифеста — освящение через церковь. Эта модель обеспечивала не только смену правителя, но и непрерывность функционирования абсолютистского государства. Екатерина II сумела реализовать идеал «просвещенного монарха», не изменяя основ политической структуры: самодержавие сохранило способность к внутренней саморегуляции, а фигура монарха осталась центральным элементом, через который система власти продолжала свое самовоспроизводство.

Обсуждение. В послепетровское время механизмы власти действовали не как совокупность личных решений, а как система, обладающая собственной инерцией. Уже современники отмечали, что борьба за трон происходила в пределах установившихся правил, где каждая новая ситуация разрешалась по знакомому образцу: гвардия, заговор, присяга, манифест, благословение [5]. Этот повторяющийся порядок воспроизводил не столько самих правителей, сколько саму форму власти [4].

Историки, анализировавшие политическую динамику XVIII в., обращают внимание именно на эту закономерность. Е.В. Анисимов описывает монархию как конструкцию, в которой государь является центром, но не хозяином системы [6]. В этом наблюдении скрыт важный методологический сдвиг: индивидуальное действие рассматривается не как источник власти, а как момент ее функционирования. Монарх и его окружение действуют в рамках заранее заданной логики, где даже воля государя служит выражением структурной необходимости — стремления системы сохранить собственную целостность.

И.В. Курукин, исследуя эпоху дворцовых переворотов, показывает, что смена правителей происходила не вопреки государственному порядку, а внутри него. В частности, он так оценивает попытку Верховного тайного совета ограничить монархию через кондиции: «Эта попытка не могла увен-

чаться успехом, потому что противоречила самой логике самодержавия» [7]. Сопротивление гвардии и дворянства оказалось не политической случайностью, а выражением глубинного механизма абсолютной власти, не допускавшего распределения верховной воли. Таким образом, перевороты, внешне выглядевшие как кризисы легитимности, на деле становились способами ее восстановления.

Заключение. Переосмысление переворота как структурной нормы, а не политического эксцесса, позволяет увидеть в заговоре ресурс устойчивости монархической власти. Власть оказывается не связанной с личностью, а распределенной внутри повторяющейся институциональной и символической схемы, в которой заговор служит средством ее воспроизводства. Таким образом, предложенная в лоне философии структурализма идея структурной каузальности обнаруживает свой рациональный смысл в качестве релевантного метода исследования политической истории.

Список источников

- [1] Курукин И.В. *Дворцовые перевороты: власть, политика, личности*. Москва, РОССПЭН, 2009, 312 с.
- [2] Анисимов Е.В. *Эпоха дворцовых переворотов*. Санкт-Петербург, Питер, 2003, 256 с.
- [3] Альтюссер Л. *Идеология и идеологические аппараты государства*. Москва, Проспект, 2006, 128 с.
- [4] Уортман Р.С. *Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I*. Москва, ОГИ, 2002, 606 с.
- [5] Щербатов М.М. *О повреждении нравов в России*. Москва, Наука, 1983, 240 с.
- [6] Анисимов Е.В. *Россия без Петра. 1725–1740*. Ленинград, Лениздат, 1989, 320 с.
- [7] Курукин И.В. *Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.)*. Санкт-Петербург, Наука, 2019, 757 с.